

КАТЕГОРИЯ НОМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ

Гаджихмедов Н.Э., Казакова А.С.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» (367025, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, 37), e-mail: nur1@yandex.ru

В морфологической системе кумыкского языка представлена многочленная глагольно-именная категория номинализации действия, в состав которой входят следующие частные категории: 1) имена действия (масдары), 2) причастия, 3) субстантивно-адъективные формы глагола. Грамматические формы, представляющие данные микрокатегории, выражают общеграмматическое значение «опредмеченности» действие. По-разному представлена в формах, выражающих значение номинативности, категория времени. Общеграмматическое значение предметности не противоречит наличию у них временных временных сем. Имена действия просто называют «опредмеченные» действия, тогда как формы номинализации действия от причастных и деепричастных основ сигнализируют о факте совершения действия (в прошлом, настоящем или будущем). Однако с функционально-семантической точки зрения, все именные формы кумыкского глагола на основе однородности значений и общности коммуникативного предназначения объединяются в единую общую категорию номинализации действия.

Ключевые слова: категория, номинализация действия, имена действия, причастия, деепричастия, кумыкский язык, тюркские языки.

CATEGORY OF NOMINALIZATION OF ACTION

Gadzhiahmedov N.E., Kazakova A. S.

Dagestan State University: 367025, Republic of Dagestan, the city of Makhachkala, 37, Gadzhieva str., e-mail: nur1@yandex.ru

The morphological system of the Kumyk language presents numerous verbal-nominal category of nominalization of action, which consists of the following specific categories: 1) the names of actions (masdary), 2) participles, 3) noun-adjectival forms of the verb and 4) adverbial verb forms (adverbial participles). Grammatical forms representing these macrocategories express general grammatical meaning of "nominalization" of action. Differently presented time category in the forms of expressing the meaning nominatively. General grammatical meaning of "nominalization" does not contradict the existence of time sema. The names of actions simply call "nominalization" of action, whereas the shapes of nominalization of action from participial and adverbial participles bases indicate the occurrence of actions (past, present or future). However, from a functional-semantic perspective, all nominal forms of a Kumyk verb on the basis of similarity of meaning and common communicative purpose are combined into a single General category of nominalization of action.

Keywords: category, nominalization of action, the names of action; participles, adverbial participles, the Kumyk language, Turkic languages

Актуальность исследования обусловлена той важной ролью, которую играют именные формы глагола в грамматическом строе тюркских языков. Тюркские языки обладают разветвленной системой именных форм глагола в системе словоизменительных категорий, их функционально-семантическая характеристика представляет особый интерес для сравнительных и типологических исследований языков.

Основная **цель** данного исследования заключается в всестороннем изучении коммуникативного предназначения и функционально-семантических особенностей субстантивных форм, определение их места в системе кумыкских именных форм глагола.

Комплексная методика предполагает применение следующих **методов**: метод

структурно-семантического анализа языковых единиц, а также описательный и сравнительный методы исследования.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и результаты могут быть рекомендованы для использования при изучении словоизменительных категорий тюркских языков. Интерпретация, истолкование и объяснение признаков именных форм глагола могут быть также реализованы при чтении теоретических курсов грамматики тюркских языков.

Обсуждение результатов исследования

Категория номинализации действия (вторичной репрезентации) как словоизменительная категория впервые в тюркологии рассматривается в трудах оригинального грамматиста В.Г. Гузева [4, 115-130].

Несмотря на наличие специальных исследований, посвященных именным формам кумыкского глагола [8; 9; 10; 2; 3], все же многое остается дискуссионным и нерешенным. Сами термин «имя действия» понимается неоднозначно, нечетко определяются границы между именами действия и причастия, нет единства во мнениях относительно их состава. Требуют более углубленного изучения вопросы морфологической природы, семантического потенциала грамматических форм, составляющих данную категорию. Указанные параметры именных форм глагола довольно убедительно истолкованы В.Г. Гузевым на материале староанатолийско-тюркского языка, и можно полагать, что уже сделан важный шаг в направлении решения проблем, связанных с категорией номинализации действия. Ниже будет предпринята попытка осмыслить функционально-семантическую природу именных форм кумыкского глагола через призму теории вторичной репрезентации.

Категория номинализации действия представляет собой совокупность форм, объединяемых общим значением «опредмеченного» действия, т.е. действия, окказионально представляемого как предмет, признак или состояние [5, с. 120].

Данная категория в кумыкском языке конституируется прежде всего именами действия (субстантивными формами).

Долгое время кумыковеды в качестве инфинитива рассматривали форму *-макъ*. Еще Т. Макаров в 1848 году инфинитивом в кумыкском языке считал форму на *-ма, -ме* [7, с. 44]. Мы считаем ошибочным точку зрения С.И. Бекмурзаевой, считающей форму на *-ма, -ме* отглагольным существительным [1, с. 15]. Возможно, исследователи кумыкского языка, причисляя *-макъ* к инфинитиву, ориентировались на такие тюркские языки, в которых действительно имеется инфинитив *-мак* и нет никакого другого инфинитива, например, в турецком, азербайджанском, туркменском, чувашском языках. Кроме того, функционирование данной формы вне специфических именных категорий также могло

толкнуть кумыковедов рассматривать ее в качестве инфинитива. Форма *-макъ* в кумыкском языке выступает в роли именной формы глагола.

Субстантивная форма *-макъ* способна употребляться с аффиксами категорий, характерных для имени существительного. Она употребляется в формах:

а) категории принадлежности: *гелмегим* «мой приход», *гелмегинг* «твой приход», *гелмеги* «его приход» и т.п.;

б) категории падежа: *бармакъны* (род.п.), *бармакъгъа* (напр.п.), *бармакъда* (местн.п.), *бармакъдан* (исх.п.);

в) категории множественности: *Уьчю-къырыыйы ёкъ денгизлерде юзюп юрюмеклер, телеграфлар, телефонлар – бары да илму булан байлавлу.* (Н. Батырмурзаев). «Плавающие в бескрайних просторах морей [корабли], телеграфы, телефоны – все это связано с наукой»

Субстантивная форма *-макъ*, как и имена существительные, употребляется с послелогоми: *гёрмек учун* «чтобы встретиться», *яшамакъ учун* «ради жизни», *гирмек булан* «как только вошел», *айтмакъ булан* «как только произнес» и др. *Кён гелмек булан, кён гёрюшмек булан гьюрмет аз болуп къалмай* (Шихамматкъади). «От того, что часто приходим, часто встречаемся, уважения меньше не станет».

Как и имена существительные глагольное имя на *-макъ* принимает словообразовательный аффикс *-лыкъ*, к которому присоединяются падежные показатели. Грамматическая форма с показателем *-макълыкъ* способна выступать вне форм именных категорий, т.е. самостоятельно и функционировать в формах именных категорий. Ср. *Огъар сёз къайтармакълыкъ объюнню гъалын теренлешидирежегин ол англай* (И. Къызларлы). «Он знает: если ему возражать, это усугубит его положение»; *Къоркъмакълыкъны гючюнден йылады* (З. Атаева). «От испуга она заплакала».

Именная форма глагола *-макълыкъ*, образованная от *-макъ*, также употребляется с послелогоми: *Шо ёлну сакъламакълыкъ учун ер-ерде постлар да болгъан* (Г.Къонакъбиев). «Для охраны той дороги были расставлены посты».

Только в их использовании вне форм именных категорий исследуемые формы обладают способностью к синонимическим заменам и параллельному употреблению, в субстантивном же использовании синонимические трансформации невозможны.

В формах категории принадлежности в различных падежах функционируют и формы имени действия на *-ыв* и *-ыш*. Форма на *-ыш* используется реже. В некоторых тюркских языках данная форма, как и в кумыкском языке, встречается очень редко, например, в турецком [5, с. 120], а в других тюркских языках является самой распространенной из всех именных форм, например, в узбекском языке [8, с. 43].

Формы, производные от причастий *-агъанлыкъ*, *-гъанлыкъ*, *-ажакълыкъ* выражают временную семантику одновременности, предшествования и следования. Темпоральная ориентированность данных форм хорошо видно при их использовании в одних и тех же коммуникативных ситуациях. Ср.: *Олар бирче турагъанлыкъ - уллу насип*. «То, что они вместе живут, – большое счастье». *Олар бирче тургъанлыкъ - уллу насип*. «То, что они вместе жили, – большое счастье». *Олар бирче туражакълыкъ – уллу насип*. «То, что они будут жить вместе, – большое счастье». По сравнению с этими формами форма *-макълыкъ* выражает действие, индифферентное по отношению к грамматической точке отсчета: *Олар бирче турмакълыкъ – уллу насип* «То, что они живут вместе, - большое счастье».

Таким образом, имена действия на *-макъ*, *-макълыкъ*, *-ыв*, *-ыш* просто называют «опредмеченные» действия, тогда как формы «*причастие + -лыкъ*» сигнализируют о факте совершения действия (в прошлом, настоящем или будущем). У говорящего на кумыкском языке имеется выбор: если ему необходимо актуализировать нелокализованные во времени действия, он выбирает формы *-макъ*, *-макълыкъ* и *-ыв* (реже *-ыш*), если же есть необходимость в актуализации локализованного во времени действия, говорящий выбирает формы *-агъанлыкъ*, *-гъанлыкъ* или *-ажакълыкъ*.

Имена действия представлены и субстантивно-адъективными формами.

В эту микрокатегорию объединяются, по всей видимости, формы с двумя категориальными значениями: 1) действия, окказионально представляемого в качестве предмета и 2) действия, представляемого в виде признака. Наличие двух категориальных значений в семантической сущности обсуждаемых форм легко объяснить: каждый компонент сложного аффикса внес свой «вклад» в формирование общекатегориального значения данных форм. Вслед за В. Г. Гузевым, эти формы мы будем называть субстантивно-адъективными формами.

В современном кумыкском языке представлены следующие субстантивно-адъективные формы. Форма на *-гъан* в случаях субстантивного использования функционирует преимущественно в формах категории принадлежности, передавая действие, одновременное с действием сказуемого или предшествующее ему: *Гъей барагъан, ялбараман мен сагъа...* (М. Атабаев). «Эй, уходящий [человек], умоляю тебя...».

Материал кумыкского языка свидетельствует о том, что в формах категории принадлежности и склонения обсуждаемая форма обладает синтаксической полифункциональностью и может выступать в роли подлежащего, прямого дополнения, косвенного дополнения и обстоятельства.

В атрибутивной функции форма на *-гъан* также содержит в своем значении сему одновременности и предшествования по отношению к временному плану всего

высказывания [11, с. 50-63].

В субстантивном употреблении форма с показателем *-агъан* указывает на опредмеченный процесс: *Мен правлениени сибирегеним он дёрт йыл бола* (Ш.Альбериев) «Уже четырнадцать лет с тех пор, как я подметаю правление». *Ол лап да аривюн, багъалысын сайлайгъангъа ошай* (У.Мантаева) «Похоже, он выбирает самое красивое, самое дорогое».

В атрибутивном использовании указывает на признак предмета, деятеля: *Тарихден дарс юртеген учитель гъар негер де эписиз илинеген гиши* (И.Ибрагимов) «Преподаватель истории - человек, который пристаёт ко всяким мелочам». *Шо гёрюнеген уйлер бизинки* (З.Атаева). «Тот дом, который виден, наш».

В субстантивном использовании данные формы *-ажакъ* и *-ар* имеют в своем значении сему будущего времени: *Дагъыстангъа чыкъгъанда башлап не ерге баражагъын ойлай* (М.Ягъияев) «Он обдумывает, когда приедет в Дагестан, куда он пойдет в первую очередь». *Сенден сонг туважакълагъа да пайдалы* (Б.Атаев). «Это полезно и тем, кто родится после тебя». *Не айтажагъын билмей* (Ш.Альбериев). «Он не знает, что сказать».

В атрибутивном использовании данные формы также выражают значение будущего времени: *Сени булан гёрюшер гюнню гёзлеймен* (З.Атаева). «Я жду дня встречи с тобой».

Безусловно, названные категориальные значения роднят обсуждаемые формы с именами действия и причастиями. Однако имеется ряд семантических и функциональных особенностей, которые отличают их от этих родственных глагольно-именных категорий. В сфере субстантивного использования, когда актуализируется первое категориальное значение, от имен действия их отличают имеющиеся у каждой из них временные значения. В сфере атрибутивного использования «от причастий их отличает отсутствие агентивного значения или какого-либо иного компонента значения, который сигнализировал бы о характере взаимоотношений действия, представляемого в качестве признака, и предмета, являющегося носителем этого признака» [5, с. 122]. Заметим, что первая попытка исследования возможных соотношений между предметом, выраженным определяемым, и действием, передаваемым определением, в функции которого выступает причастие, на материале кумыкского языка была предпринята Д. М. Хангишиевым. Автор различает «частичную субстантивацию причастий и их употребление в функции имени действия» [10, с.15]. Такая трактовка обсуждаемых понятий в описательных целях вполне оправдана. Однако необходимо подчеркнуть, что причастие, как и любое языковое средство, называющее признак (например, прилагательное), способно субстантивироваться, т.е. передавать в речи предмет – носитель признака. Этот хорошо известный в языкознании коммуникативный прием нельзя смешивать с явлением номинализации действия (вторичной репрезентации), в частности, с представлением действия в виде предмета, т.е. с

опредмечиванием самого понятия. Из сказанного следует, что случаи окказиональной субстантивации причастий и субстантивно-адъективных форм (а не субстантивного использования их) не имеют отношения к настоящей теме параграфа и поэтому здесь не рассматриваются [10, с. 14-19].

К именам действия относятся и адъективные формы (причастия). Причастие обозначает признак, содержанием которого является действие, или, иными словами, действие, «окказионально представляемое в виде признака» [4, с. 113]. В значениях причастий заключено указание на сопряженность действия с его производителем. Именно наличие у причастий этого «агентивного значения» (6, с. 220-222) и отличает их от субстантивно-адъективных форм в сфере атрибутивного использования [5, с. 120]. В отличие от последних, причастия в функции определения передают в виде признака такое действие, производителем которого является предмет, называемый определяемым. Именно развитие агентивного значения у рассматриваемых форм и следует считать одним из важнейших проявлений их функциональной специализации и обособления от субстантивно-адъективных форм [5, с. 120]. Особенно ярко агентивное значение причастий проявляется в случае их субстантивации. Такие образования называют производителем действия: *яратгъаным* «мой создатель».

Форма с показателем *-гъан* представляет в качестве признака не столько действие, сколько состояние, являющееся результатом этого действия: *Мен сизин кѣп инжитген адамман* (М.Хангишиев) «Я человек, который долго мучал вас». *Исбайы гийинген халкъ* (И.Ибрагимов) «Приятно одетые люди». Состояние, являющееся результатом этого действия, может быть ориентировано в ретроспективную плоскость.

Причастие с показателем *-агъан* называет в качестве признака действие, которое длительно или регулярно совершается в плане настоящего времени: *Эй, элни сюеген, намуслу улан* (З. Батырмурзаев) «Эй, любящий народ, честный юноша».

Формы с показателями *-ажакъ* и *-ар* называют в виде признака будущие действия: *Сени булан гѣрюшер гюнню гѣзлеймен* (Ш.Альбериев) «Я жду дня встречи с тобой»;

Материал убеждает нас в том, что сущностным признаком причастий является их коммуникативное предназначение выражать действие, представленное как признак.

В специальной литературе мало уделяется внимания функциональной сущности аналитических адъективных форм. Речь идет об аналитических формах, образованных при помощи показателя количественной аспектуальности *тур-*. Аналитические адъективные формы вместе с синтетическими формами образуют стройную систему. В системе адъективных форм можно проследить четкую градацию их значений: прошедшее (*-гъан -а/-ып тургъан*) – настоящее (*-агъан -а/-ып турагъан*) – настоящее-будущее (*-ма турагъан*) –

будущее (-ар -а/-ып турар и -ажакъ -а/-ып туражакъ). В данном темпоральном ряду грамматические формы противопоставляются друг другу по признаку длительности/недлительности признака, приписываемого предмету.

Заключение

Все изложенное подтверждает следующую точку зрения: с функционально-семантической точки зрения, все именные формы кумыкского глагола на основе однородности значений и общности коммуникативного предназначения объединяются в единую общую категорию номинализации действия, распадающуюся на несколько микрокатегорий. Состав и парадигма этой категории в кумыкском языке: имена действия (субстантивные формы) – формы на -макъ, -макълыкъ, -ыв, -ыш (непродуктивная форма); -агъанлыкъ, -гъанлыкъ, -ажакълыкъ; субстантивно-адъективные формы: -гъан, -агъан, -ар, -ажакъ; причастия (адъективные формы): -гъан, -агъан, -ар, -ажакъ.

Список литературы

1. Бекмурзаева С.И. Словообразование имен существительных в современном кумыкском литературном языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Тбилиси, 1981. – 20 с.
2. Гаджихмедов Н.Э., Мурзаева Д.М. Функционально-семантические особенности имени действия на -ыш в современном кумыкском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. № 3. – С. 151-155.
3. Гаджихмедов Н.Э., Мурзаева Ж.М. Функционально-семантическая характеристика имени действия -ыв в кумыкском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11-2. - С. 228-230.
4. Гузев В.Г. К вопросу о «категории лица» в тюркской морфологии // Turcologica. - 1986. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. - Л.: Наука, 1986. – С. 96-101.
5. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 164 с.
6. Кузнецов П.И. Категория вида в турецком языке: Видовые аспекты // Иностранные языки: Сборник статей. – М.: 1966. - № 2. – С. 213-228.
7. Макаров Т. Татарская грамматика кавказского наречия. - Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1848. У11+143 с.
8. Маматов М.Ш. К вопросу о категории номинализации действия (на материале узбекского языка) // Советская тюркология. - 1988. - № 5. - С. 41-52.
9. Мурзаева Д.М. Имена действия в кумыкском языке: структура, семантика и функционирование: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Махачкала, 2013.

10. Хангишиев Д.М. Именные формы глагола в кумыкском языке в сравнительном освещении (имена действия и инфинитивы). - Махачкала: ИПЦ ДГУ. - 1997. - 86 с.

11. Хангишиев Д.М. Къумукъ тил. Морфология. - Магъачкъала: Дагъыстан пачалыкъ университетни нешрияты, 1995. - 231 с.

Рецензенты:

Кадыров Р.С., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой тюркской и иранской филологии ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;

Самедов Д.С., д.фил.н., профессор, зав. кафедрой русского языка ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.